

Марджери
Эллингем

МОДА В
САВАНЕ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Альберт Кэмпбелл

Альберт Кэмпиион

Марджерии Эллингем

Мода в саване

«Азбука»

1938

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Эллингем М.

Мода в саване / М. Эллингем — «Азбука», 1938 — (Альберт Кэмпиион)

ISBN 978-5-389-33484-7

Марджери Луиза Эллингем – английская писательница, принадлежащая «золотому веку английской литературы», признанная «королева детектива» наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Она выделялась на фоне других авторов этого жанра, по выражению Агаты Кристи, «как горящая лампа». Наибольшую известность приобрели книги Эллингем о сыщике-джентльмене Альберте Кэмпиионе. В этот том вошли девятый и десятый романы ее главного цикла, а также сборник новелл «Мистер Кэмпиион и другие». У знаменитой актрисы Джорджии нет равных ни в сценическом искусстве, ни в искусстве завоевания мужских сердец. И хотя сейчас она замужем за Рэймондом, который ее обожает и страшно ревнует, ей это не мешает соблазнить авиаконструктора Алена. Классический любовный треугольник? Э нет, тут геометрия куда сложнее: в Алена тайно влюблена кутюрье Джорджии Вэл, да вдобавок в лесу только что найден труп Ричарда, бывшего жениха актрисы, исчезнувшего три года назад. Нет сомнений, что причиной смерти стало самоубийство – и нельзя исключать, что из-за ревности...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33484-7

© Эллингем М., 1938

© Азбука, 1938

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марджери ЭллингеМ

Мода в саване

«Margery Allingham
THE FASHION IN SHROUDS

Copyright © 1938 by International Literary Properties UK Limited, through its subsidiary
Worldwritеs Holdings Limited

The Case of the Name on the Wrapper, 1938; Case of the Hat Trick, 1938;
Case of the Question Mark, 1938; The Case of the Frenchman's Gloves, 1938;
It Didn't Work Out, 1936; They Never Get Caught, 1934; Publicity, 1939;
The Perfect Butler, 1935; The Mistress in the House, 1938

This edition is published by arrangement with
The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© Д. А. Горянина, перевод, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО „Издательство АЗБУКА“, 2026
Издательство Азбука®»

* * *

Глава 1

Наиболее удивительное в моде – ее неуловимость. Само понятие «мода» с трудом поддается определению, а стоит попытаться поймать его и пригвоздить к месту каким-нибудь уточнением, например «мода на дамские платья», и оно тут же теряет всякий смысл и вновь ускользает.

Вернее всего будет назвать моду чудом – привычным, но необъяснимым. Ведь абсолютно невозможно понять, почему платье, которое, скажем, в 1910 году вызывало у публики искреннее восхищение, всего несколько лет спустя уже воспринимается как нелепое, а в следующем десятилетии вновь становится совершенно очаровательным. И это неизменно веселит, волнует и наряду с другими загадочными явлениями поддерживает в нас интерес к жизни.

После смерти Роланда Папендейка – перед этим он был посвящен в рыцари за платье, сшитое им к королевской свадьбе, и стал считать себя великим кутюрье – семейный бизнес пришел в окончательный упадок и наверняка превратился бы в одну из тех красочных легенд, которыми так полна история моды, если бы леди Папендейк не обладала определенным сходством с фениксом.

Именно в тот период, когда гибель предприятия казалась неизбежной, Марта Папендейк нашла Вэл, которой удалось создать шедевр – мягкую травянисто-зеленую накидку, завоевавшую сердца двадцати пяти профессиональных закупщиков, а затем и полутысячи клиентов. С тех пор Вэл шла вперед уверенным шагом, а за ней, подобно великолепному шелковому шатру, высилась и процветала фирма Папендейков.

В настоящий момент Вэл, стоя в примерочной, придирчиво разглядывала свое отражение в широком зеркале, а рядом сидел гость, пришедший к ней по личному делу.

Как обычно бывает с людьми, которые привыкли выражать в творчестве свое «я», девушка явно выделялась на фоне окружающих. В ее облике отсутствовала чрезмерность, но явно ощущались полнота жизни и своеобразие. При первой встрече людям никогда не казалось, будто они уже где-то ее видели.

Сейчас Вэл пыталась оценить себя в винно-красном костюме и выглядела при этом не старше двадцати трех лет, что, впрочем, не соответствовало истине. Она была стройна совершенно особой, только ей присущей стройностью, а золотистые волосы, мягкой волной закрывавшие шею и причудливо изгибавшиеся надо лбом, не могли бы принадлежать никому другому и не украсили бы никого, кроме нее.

Гостю, который глядел на Вэл по-родственному, с рассеянным одобрением, вдруг пришло в голову, что она специально так нарядилась, дабы подчеркнуть и усилить свою женственность, о чем он ей тут же и сообщил.

– Так и есть. – Она повернулась и весело посмотрела на него – неожиданно теплый взгляд серых глаз придавал ее облику еще большую мягкость и естественность. – Так и есть, дорогой. Во мне столько же женственности, сколько в целом возе мартышек.

– Или, например, в целом чайнике рыбы, – подкинул идею Альберт Кэмпиион и, расплетя свои тонкие, длинные ноги, поднялся с золоченого кресла, чтобы тоже заглянуть в зеркало. – Тебе нравится мой новый костюм?

– Просто отличный, – последовал вердикт профессионала. – Джеймисон и Феллоус? Я так и подумала. Они восхитительно приземленные. Последнее, что требуется в мужском костюме, – это полет фантазии. За него надо расстреливать. – У нее был чудесный голос – высокий и ясный.

Кэмпиион приподнял бровь.

– Это уже слишком, – сказал он. – Кстати, ты тоже прекрасно выглядишь.

– Правда? Я все боялась, что получится чересчур строго.

Он взглянул на нее с интересом.

– Я хотел поговорить с тобой, пока никого нет. Кто-то же придет к обеду, не так ли?

Вэл, слегка удивившись, медленно развернулась в его сторону. Теперь никто не дал бы ей меньше тридцати (ее истинный возраст) – так явственно проступили у нее на лице ум и сильный характер.

– По-моему, ты не в меру проникательный, – усмехнулась она. – Иди отсюда, не сбивай меня!

– Кто он? Вряд ли меня ждет приятный сюрприз, да? – Кэмпиион обнял ее за плечи, и несколько мгновений они стояли неподвижно, рассеянно разглядывая себя в зеркале. – Если бы я не выглядел так по-дурацки, мы были бы ужасно похожи. У нас много общего. Слава богу, что мы пошли в мамину породу, а не в папину. Рыжие волосы нас обоих испортили бы, даже его знаменитая огненная шевелюра. Бедняга Герберт все-таки был уникальной личностью.

Он умолк и бесстрастно оглядел ее отражение, размышляя о том, что отношения между братом и сестрой куда глубже и сложнее отношений между влюбленными.

– Мне кажется, что не любить или даже ненавидеть свою сестру, – продолжил он, – можно только из-за тех ее качеств, которыми обладаешь сам. Равно как и любить. Ты, пожалуй, в чем-то лучше меня, но, к счастью, твои женские слабости все равно ставят тебя на ступеньку ниже. Кстати, это довольно забавная мысль. Понимаешь, о чем я?

– Да, – ответила она с досадным равнодушием. – Только это вовсе не ново. И какие это у меня женские слабости, любопытно узнать?

Кэмпиион улыбнулся: несмотря на ее ошеломительный успех, она неизменно позволяла ему потешиться собственным превосходством.

– Кто придет на ужин? – спросил он.

– Алан Делл – самолеты «Аландел».

– Да ты что?! Неожиданно. Я о нем слышал, конечно, но мы незнакомы. Интересный человек?

Вэл замялась, и он бросил на нее пристальный взгляд.

– Не знаю, – ответила она наконец, прямо посмотрев ему в глаза. – По-моему, да. Очень.

Он скорчил гримасу:

– Как ты скоро на похвалу.

– Неправда, это не так. – Она вдруг покраснела. – И вообще, не могу же я вечно дуть на воду.

В ее протесте звучало оскорбленное достоинство, и Кэмпиион вдруг осознал, что его сестра – утонченная и выдающаяся женщина, у которой, безусловно, есть право на личную жизнь. Он сменил тему разговора, в очередной раз почувствовав, что на самом деле она куда зрелее его.

– В этом шкафу вообще можно курить или это будет святотатством? Помню, однажды, еще в детстве, я оказался здесь в гостях. Это был городской дом Пероунов. Тогда район был попроще, и они еще не переехали на Парк-лейн. Я уже забыл, как все выглядело, помню только, что карниз был украшен золотыми пирожными с фруктами. Ты просто революцию тут совершила. Тете Марте нравится ее новый адрес?

– Леди Папендейк совершенно очарована, – весело ответила Вэл, по-прежнему разглядывая свой костюм. – Ее только расстраивает, что торговля происходит близко к парку, но она утешает себя мыслью о нашей «миссии прославлять главную Богиню». Говорю тебе, это храм, а не магазин. А если не храм, тогда «чертова конура Мод Пероун, тесная и промозглая». Но в общем и целом тетя Марта всегда мечтала о чем-то подобном. Есть здесь какое-то величие в духе папы Папендейка. Ты уже видел ее черненьких пажей?

– В тюрбанах? Это свежее приобретение?

– Временное, – уточнила Вэл и, отвернувшись от зеркала, взяла его под руку. – Пойдем наверх. Обедать будем на крыше.

Покинув приглушенное и недвижимое царство хорошего вкуса, элегантность которого действовала почти угнетающе, Кэмпиион с облегчением вошел в производственный отдел компании Папендейков. Через приоткрытые двери в узкий коридор с непокрытым полом лились лучи света и самые разные шумы – от звона чашек до шипения утюгов, но все перекрывал самый неприятный звук в мире – пронзительный женский щебет.

Навстречу выбежала пожилая работница в поношенном темно-синем платье с болтавшейся на поясе черной игольницей, подпрыгивающей в такт шагам, и, улыбнувшись им, помчалась дальше. Всем своим видом она излучала непоколебимую уверенность в себе, выражавшуюся даже в победоносном перестуке старомодных туфелек. Следом за ней трусил мужчина, в costume которого Кэмпиион сразу же распознал ненавистный Вэл «полет фантазии». Мужчина явно был чем-то рассержен, но все равно выглядел жалко – карие глаза смотрели по-собачьи, а узкие плечики, казалось, несли на себе все тяготы мира.

– Она мне его не отдает, – сообщил он без какого-либо вступления. – Хотелось бы избежать скандала, но девочки-доставщицы уже ждут, а я обещал, что пришлю белую модель тоже. Это та, что с драпировкой на корсаже. – Он неожиданно правдоподобно показал на себе силуэт корсета. – Продавщица уже плачет.

Он сам выглядел так, словно вот-вот разрыдается, и Кэмпиион невольно ему посочувствовал.

– Так утешьте ее, – бросила Вэл, не замедляя шага, и они ушли вперед, оставив вздыхающего мужчину позади.

– Это Рекс, – пояснила она, пока они поднимались по узкой лестнице, чтобы перенестись в очередную сеть коридоров. – Тетя говорит, что его, конечно, нельзя назвать настоящей леди, – очередная ее шуточка.

Кэмпиион промолчал. Они прошли мимо группы неопрятных девочек, которые расступились, пропуская их.

– Белошвейки, – пояснила на ходу Вэл. – Тетя предпочитает звать их белошвейками, а не работницами. Здесь их рабочие места.

Она распахнула дверь, и его взору открылся просторный чердак. Массивные столы, покрытые сукном, образовывали внушительную подкову, уставленную пугающими безголовыми фигурами, – каждая была утыкана булавками и снабжена этикеткой с именем той, которую столь бескомпромиссно изображала.

Подумав, что самое ужасное в женщинах – это их практицизм, Кэмпиион с неохотой оторвал взгляд от манекенов и двинулся вслед за сестрой по последней лестнице, выходящей на небольшую террасу среди печных труб, где их уже ожидал стол под полосатой маркизой.

Лето только началось, над строгими парковыми клумбами нависали круглые зеленые кроны, серые дома Бейсуотер-роуд клубились на горизонте, и в целом пейзаж напоминал цветной панорамный отпечаток Лондона XVIII века.

Кэмпиион присел в белое плетеное кресло и, сощурившись на солнце, посмотрел на сестру.

– Я хочу познакомиться с Джорджией Уэллс. Она точно будет?

– Милый, все обязательно придут, – успокаивающим тоном ответила Вэл. – И ее муж, и ее продюсер Ферди Пол, и бог знает кто еще. Все хотят покрасоваться друг перед другом и посмотреть костюмы к «Возлюбленной», которую сейчас репетируют. Ты непременно познакомишься с Джорджией.

– Хорошо. – На его узком лице появилось непривычно печальное выражение. – Надеюсь, что не покажусь ей назойливым и бестактным, но мне просто необходимо узнать ее получше. Она и Портленд-Смит еще были обручены, когда он исчез, или уже расстались к тому моменту?

Вэл в задумчивости уставилась на дверь, в которую они зашли.

– Почти три года минуло, так? – уточнила она. – Мне кажется, что они еще были обручены, но я не поручусь. Эта история благопристойно замалчивалась, пока родственники не решили наконец поискать его, а к тому времени она уже гонялась за Рэмиллисом. Ты же так и не нашел его, да, Альберт? С ним у тебя вышел провал.

Мистер Кэмпион не удостоил это замечание комментарием.

– Когда она вышла замуж за Рэмиллиса? – спросил он.

– Года два назад, по-моему.

– И как ты думаешь, что будет, если я заведу разговор о Портленд-Смите?

– Ничего страшного. Джорджия – женщина не слишком строгих взглядов. Если она непонимающе на тебя уставится, значит уже забыла, как звали беднягу.

Он рассмеялся:

– Не любишь ее?

Вэл замялась, выглядя при этом необычайно женственно.

– Она наша лучшая клиентка. «Самую элегантную актрису в мире наряжает самый известный кутюрье». Мы друг другу полезны.

– А что с ней не так?

– Ничего! – Вэл снова взглянула на дверь и повернулась к парку. – Я восхищаюсь Джорджией. Она остроумная, красивая хищница, невероятно вульгарная и совершенно очаровательная.

– Ты что, завидуешь ей? – с недоверием поинтересовался Кэмпион.

– Нет, что ты, конечно нет! Я так же знаменита, как и она, даже больше.

– Боишься ее?

Вэл взглянула ему в глаза, и Кэмпион был совершенно обескуражен, на мгновение увидев перед собой большеглазую девочку, которую знал всю жизнь.

– Смертельно.

– Почему?

– Она такая обаятельная, – простодушно призналась Вэл. – И привлекает людей тем же способом, что и я.

– Это и вправду невыносимо, – посочувствовал он. – Каким же?

– Единственно верным: заставляет думать, будто они ей нравятся. Ладно, забудь. Ты ее скоро увидишь. Настоящая садистка и вполнину не так роскошна, как думает, но в целом ничего. Мне она нравится. Правда.

Мистер Кэмпион счел, что лучше не развивать эту тему, и, несомненно, заговорил бы о чем-нибудь другом, как вдруг заметил, что Вэл его уже не слушает. Распахнулась дверь, и на террасу вышел второй гость.

Поднявшись, чтобы поприветствовать его, Кэмпион ощутил легкий укол разочарования. Как и многие, он втайне считал, что знаменитости непременно должны отличаться от окружающих, и до этого момента был рад убедиться, что так оно часто и бывает.

Алан Делл, однако, оказался исключением. Это был костлявый седеющий мужчина лет тридцати пяти, словно выскобленный дочиста, – видимо, сказывалось его постоянное общение с различными механизмами. Только когда он заговорил, его личность стала вырисовываться более отчетливо – голос звучал неожиданно уверенно, а речь выдавала образованного человека. Он в смущении подошел к ним, и Кэмпион понял, что Делл явно не ожидал встретить тут кого-то еще.

– Это ваш брат? – переспросил он. – Я не знал, что Альберт Кэмпион – ваш брат.

– У нас в высшей степени выдающаяся семья, – весело отозвалась Вэл.

Однако легкая неуверенность, вдруг зазвучавшая в ее голосе, заставила Кэмпиона внимательно взглянуть на нее. Его поразила внезапная перемена в сестре – она выглядела моложе,

ранимее, не такой элегантной и куда более прелестной. Он перевел взгляд на Делла и с облегчением понял: тот явно к ней равнодушен.

– Вы как будто скрываете свое родство, – сказал Делл. – Почему так?

Вэл, занятая общением с двумя официантами, как раз явившимися с закусками из соседнего отеля, ответила через плечо:

– Ничего подобного, просто наши профессии не пересекаются. Мы здороваемся при встрече и шлем друг другу открытки к дню рождения. Между прочим, мы – та половина семьи, которая еще разговаривает друг с другом.

– Мы – колонны, поддерживающие семейную крышу, – вставил Кэмптон.

Он пустился в объяснения только потому, что от него этого ждали. Было в Алане Делле, его необычайно ярких голубых глазах и неожиданно вспыхивавшей улыбке, что-то, что заставляло окружающих относиться к нему с особенным вниманием, словно к избалованному ребенку. Как будто он являлся исключительно важной персоной и ради всеобщего блага следовало предоставлять ему любую требуемую информацию.

– Меня выгнали первым – исключительно любезно, разумеется, – продолжил Кэмптон. – Мы все отлично воспитаны. Через несколько лет пришла очередь Вэл, и теперь, когда наши имена всплывают в разговоре, кто-нибудь идет в библиотеку и пишет семейному поверенному очередную записку с просьбой вычеркнуть нас из завещания. Учитывая, как они носятся со своим самовыражением, мне всегда казалось, что к нашему они отнеслись без должного уважения.

– Со мной все было не совсем так. – Вэл наклонилась над столом и заговорила с обескураживающей откровенностью: – Я ушла из дому, чтобы выйти замуж за мужчину, который не нравился никому из родственников, а после того, как мы поженились, он и мне перестал нравиться. Леди Папендейк, которая шила одежду моей матери, увидела мои эскизы и дала мне работу...

– ...и с тех пор ты совершила революцию в своей области, – торопливо закончил Кэмптон, смутно осознавая, что надо спасать положение.

Он был шокирован. С тех пор как Сидни Феррис принял совершенно заслуженную кончину в горящем автомобиле, с помощью которого, находясь под воздействием алкогольных паров, ранее пытался сбить дерево, молодая вдова никогда не упоминала его имени.

Вэл, казалось, совершенно не осознавала необычности своих слов или поведения. Она тревожно смотрела прямо на Делла.

– Да, я о вас слышал, – сказал он. – Не знал, что фирма Папендейков существует так давно. Вы просто возвратили их к жизни. На таких переменах мода и держится.

Вэл покраснела.

– Легче было бы построить все заново, – призналась она. – Поначалу мне пришлось столкнуться с предубеждением. Но новые наряды вышли отличными и хорошо продавались, а солидное имя очень помогло в делах.

– Разумеется. – Он с интересом взглянул на нее. – Так все и есть. Если кто-то делает вещи лучше, чем другие, ему и достаются все заказы. Самое приятное открытие, какое мне доводилось когда-либо совершать.

Они рассмеялись, явно довольные друг другом и возникшим между ними взаимопониманием, и Кэмптон, явившийся сюда по делу, почувствовал себя лишним.

– Когда придет Джорджия Уэллс? – спросил он. – Часа в три?

Вопрос был неуместным – он это понял сразу же. Равнодушный кивок Вэл не исправил положения. Делл, однако, заинтересовался.

– Джорджия Уэллс? – торопливо переспросил он. – Это вы шили ей костюмы к «Небольшой жертве»?

– Так вы видели пьесу? – Вэл была явно обрадована. Ее утонченности и след простыл. – Она потрясающе выглядела, правда?

– Великолепно, – улыбнулся Делл и перевел взгляд на зеленые верхушки деревьев. – Я редко хожу в театр, – продолжил он после паузы, – и в тот раз меня практически принудили пойти, но потом я пошел на эту пьесу снова. Один.

Это заявление было сделано без тени смущения, из-за чего все почувствовали себя несколько неловко.

Делл обвел их серьезным взглядом.

– Просто великолепно, – повторил он. – Никогда не видел такой глубины чувств. Я хочу с ней познакомиться. У нее ведь была какая-то трагедия в жизни, правда? Наверное, схожая с той, что в пьесе.

Мистер Кэмпиион моргнул. Неожидаанное проявление наивности у блестящего незнакомца, от которого ждешь, что он окажется как минимум равным тебе по уму, а скорее всего, превзойдет во много раз, не может не вызвать легкого потрясения. Предчувствуя недоброе, он взглянул на Вэл. Та старательно улыбалась.

– Несколько лет назад Джорджия развелась с мужем-актером, потом была помолвлена с адвокатом, который таинственно исчез, после чего через несколько месяцев вышла замуж за Рэмиллиса, – сказала Вэл. – Не знаю, какой именно эпизод напомнил вам о пьесе.

Алан Делл уставился на нее со столь очевидным разочарованием и недоумением, что она покраснела, и Кэмпиион начал догадываться, чем он ее привлек.

– Я хочу сказать, – беспомощно продолжила она, – что в «Небольшой жертве» речь шла о женщине, которая отказывается от единственной любви, чтобы выйти замуж за отца своей восемнадцатилетней дочери, так ведь?

– Вернее, речь шла о женщине, которая теряет любимого человека в попытке совершить благородный поступок, – ответил Делл с несчастным видом, как будто у него выпытали признание.

– Джорджия потрясающе играла! Как всегда, была неподражаема.

Как показалось Кэмпииону, Вэл восхищалась слишком горячо и слишком поздно это поняла. Ему стало жаль ее.

– Я видел этот спектакль, – вмешался он. – И соглашусь: она замечательно играла.

– Вы тоже так считаете? – Делл с благодарностью взглянул на него. – Просто невероятно. Такая искренность! Мне обычно не нравятся чересчур эмоциональные вещи. Если они хорошо сделаны, создается впечатление, будто оголяешь душу перед окружающими, а если плохо, их стыдно смотреть. Но она казалась такой... откровенной, понимаете? Ведь была все же какая-то трагедия до того, как она вышла замуж за Рэмиллиса? Кто был тот адвокат?

– Его звали Портленд-Смит, – медленно произнес Кэмпиион.

– Он пропал?

– Исчез с лица земли, – пожала плечами Вэл. – Джорджия, наверное, ужасно переживала. Зря я так об этом говорю.

Делл улыбнулся ей с неизменной нежностью, простодушной и застенчивой, что выглядело весьма обезоруживающе.

– Такое потрясение трудно пережить, – неловко проговорил он. – В этом есть что-то постыдное – в том, чтобы мужчина так внезапно исчез и все об этом знали.

– Вы неправы. Все было совсем не так. – Вэл разрывалась между типично женским желанием немедленно прояснить огорчившую ее собеседника неясность и инстинктивным стремлением вовсе оставить эту тему. – Он как будто растворился в воздухе. Оставил свою практику, счет в банке и вещи в шкафу. К Джорджии это явно не имело отношения. Он отправился на вечеринку – по-моему, Джорджии там даже не было – и ушел домой пораньше, чтобы почтить

какое-то дело. Вышел из отеля около десяти часов вечера, но так и не дошел до дома. Исчез где-то на полпути. На этом история заканчивается, так ведь, Альберт?

Худой мужчина в роговых очках заговорил не сразу, и Делл смерил его испытующим взглядом:

– Вы занимались этим делом?

– Да, спустя два года после исчезновения, – кивнул Кэмпиион и почувствовал, что хочет немедленно объяснить причины подобного промедления. – Его карьера тогда была на взлете. Все понимали, что со временем Портленд-Смит станет судьей графства. Естественно, что его родственники не хотели огласки. Они замечали все следы, поскольку думали, что он объявится через месяц с потерей памяти. Он всегда был одиночкой и любил прогулки на свежем воздухе – странно, что такой тип привлек столь успешную женщину. Как бы там ни было, полицию оповестили, когда было уже слишком поздно что-либо предпринимать, а ко мне обратились, когда и они отступились. Я не стал беспокоить миссис Уэллс, потому что полицейские тщательно проверили все, что с ней связано, и убедились, что она ничего не знает.

Делл кивнул, явно радуясь, что полученные сведения подтвердили уже сложившееся у него мнение.

– Как интересно, – заметил он после паузы. – Такое ведь нередко случается. Постоянно слышишь подобные истории.

Вэл – вся воплощенное здравомыслие – явно была озадачена. Она взглянула на него с легкой тревогой:

– Что вы имеете в виду?

Делл рассмеялся и смущенно оглянулся на Кэмпииона в поисках поддержки.

– Ну, каждому иногда хочется взять и исчезнуть, правда? – Он разругался, и его голубые глаза засверкали еще ярче. – Всех время от времени подмывает вырваться из этого шумного гигантского каравана и сойти с дороги, оставив все позади. Дело даже не в грузе ответственности – порой начинают давить амбиции, условности и особенно привязанности. Часто возникает желание просто забыть обо всем и уйти. Мало кто в самом деле на такое осмеливается, и, когда слышишь, что кто-то таки поддался искушению, невольно берет зависть. Портленд-Смит, наверное, уже торгует пылесосами где-нибудь в Филадельфии.

– Женщинам не присущи подобные желания, – тряхнув головой, возразила Вэл. – Не в одиночку, по крайней мере.

Мистер Кэмпиион заподозрил, что в этом замечании есть двойное дно, но в тот момент ему не хотелось размышлять над этим.

Накануне, то есть спустя несколько месяцев после расследования, он приехал в маленькую усадьбу в Кенте, где юный Портленд-Смит в возрасте девяти лет однажды провел летние каникулы. Последние десять лет старый дом был заброшен и совсем обветшал, а сад зарос бурьяном, словно в сказке про Спящую красавицу. Там, где кусты расступались, образуя своего рода пещерку – мечту любого мальчугана, Кэмпиион обнаружил тридцативосьмилетнего Портленд-Смита – или, вернее, то, что осталось от него через три года после исчезновения. Скелет лежал на ворохе сухих листьев, подложив левую руку под голову и подтянув колени к животу.

Глава 2

Кабинет Вэл был одной из достопримечательностей дома Папендейков на Парк-лейн. Продумывая его дизайн, Рейнард, руководивший переделкой особняка, всецело отдался одному из своих знаменитых «творческих порывов», и, когда Колин Гринлиф сфотографировал эту белую кованую клетку, висящую под центральным куполом над колодцеобразным лестничным пролетом, снимки облетели все самые престижные журналы того времени.

Несмотря на причудливый дизайн, комната, к всеобщему удовлетворению, оказалась неожиданно удобной: стеклянные стены открывали вид на доступную для посещений часть дома и два основных коридора, в которых обитали белошвейки, что позволяло леди Папендейк держать в поле зрения все происходящее.

Хотя теоретически это был кабинет Вэл и там стоял ее письменный стол, тетя Марта проводила в нем большую часть дня. И, как высказался однажды Рекс в припадке дурного настроения, «сидела в своей паутине, считая себя королевой пчел, но напоминая паука».

Марта Лафранк прибыла в Лондон в те дни, когда викторианское благоденствие высвобождалось из сковывающих пут и набирало в грудь воздуха, готовясь к стремительному взлету акций и последующему их падению. Тогда она была цепкой, весьма предприимчивой француженкой, острой, как осколки стекла, и взрывоопасной, как эфир. Эволюцию ее довершил великий художник Папендейк. Он взял ее, словно отрез парчи, и сотворил нечто уникальное и удивительное. «С ним я созрела, – сказала она как-то с не вполне галльской нежностью. – Мой *grand seigneur*»¹.

Теперь, в шестьдесят лет, это была маленькая смуглая женщина с черными шелковистыми волосами и некрасивым моложавым лицом. Любой наряд смотрелся на ней как произведение искусства.

Когда мистер Кэмпиион заглянул к ней после обеда, леди Папендейк сидела за своим письменным столиком и какой-то нелепой ручкой выводила абсолютно нечитаемые каракули. Гостиная приняла с искренней радостью, сверкнувшей в узких глазках.

– Мой дорогой Альберт, – приветливо произнесла она. – Какой костюм! Очень элегантно. Повернись-ка. Прекрасно! Эту часть мужского тела – спину от плеч до талии – всегда вспоминаешь с нежностью. Вэл все еще на крыше с этим механиком?

Кэмпиион с улыбкой сел. Они дружили уже давно, и он без малейшей неуважительности всегда считал ее, прилизанную и юркую, с пронзительным взглядом и порывистыми движениями, похожей на маленького тритона.

– Мне Делл понравился, – заметил он, – но я почувствовал себя лишним и ушел.

На мгновение острый взгляд тети Марты задержался на паре манекенщиц, остановившихся поболтать в южном коридоре. Стеклянные стены кабинета не пропускали звуков и не позволяли судить, отвечало ли содержание разговора их деятельности, но едва одна из манекенщиц заметила маленькую фигурку, отчетливо видную за далекой стеной, как они тут же кинулись в разные стороны.

Леди Папендейк пожала плечами и записала на промокашке пару имен.

– Вэл в него влюбилась, – вернулась к разговору она. – Он очень мужественный. Надеюсь, это у нее не просто физиологическая реакция. У нас здесь слишком много женщин. Не хватает телесности.

Кэмпиион предпочел не вдаваться в подробности.

– Мне кажется, тетя Марта, что вы вообще недолюбливаете женщин.

¹ Знатный человек (*фр.*).

– Дело не в любви, дорогой мой! – отозвалась она с поразившей его страстью в голосе. – Как можно недолюбливать половину человечества? Мне надоели ваши молодежные рассуждения о полах – как будто они не имеют друг к другу никакого отношения. Надо говорить о человеке в целом! Мужчина – это силуэт, женщина – детали. Одно часто портит или красит другое. Но по отдельности они мало что собой представляют. Не будь дурачком. – Она перевернула лист, на котором писала до того, и нарисовала маленький домик. – Значит, Делл тебе понравился? – спросила она внезапно, впившись в собеседника цепким и неожиданно молодым взглядом.

– Да, – серьезно ответил Кэмпиион, – очень. Он своеобразный парень, довольно простодушный, но это его не портит.

– Родственники не будут против?

– Чьи, Вэл?

– Ваши, естественно.

Он расхохотался:

– Дорогая, сейчас уже не то время!

Леди Папендейк улыбнулась самой себе.

– Милый мой, во всем, что касается брачных отношений, я по-прежнему француженка, – призналась она. – Во Франции это гораздо лучше устроено. Брак означает всегда контракт, и все об этом помнят с самого начала. Очень практично. Тут же никто не думает, где ставит свою подпись, пока вдруг не решает, что пора бы ее зачеркнуть.

Мистер Кэмпиион неловко поерзал.

– Не хотелось бы показаться невежливым, – пробормотал он, – но мне кажется, что говорить о браке пока еще рано.

– Ну что ж... Я так и думала. Наверняка. Ну да бог с ним. – К его облегчению, она не стала развивать эту тему. – Зачем ты пришел?

– По делу, – неуверенно проговорил Кэмпиион. – Ничего неприличного или такого, что могло бы навредить фирме. Хотел поговорить с Джорджией Уэллс.

Тетя Марта выпрямилась.

– Джорджия Уэллс... – повторила она. – Ну конечно! Я как раз пыталась вспомнить, действительно ли ее жениха звали Ричард Портленд-Смит. Ты читал вечерние газеты?

– Господи, они уже добрались до этой истории?

Он взял со стола ранний вечерний выпуск, посвященный скачкам, и нашел колонку последних новостей, набранную мелким, неровным шрифтом.

СКЕЛЕТ В ЛЕСУ

Судя по найденным документам, мужской скелет, обнаруженный в саду дома близ Уэллферри, графство Кент, принадлежит мистеру Ричарду Портленд-Смиту, который исчез из собственного дома три года назад.

Он сложил газету и криво улыбнулся:

– Что ж, очень жаль.

Леди Папендейк хотелось узнать подробности, но жизненный опыт научил ее не торопить события.

– Ты занимаешься этим делом?

– Это я его нашел.

– Вот как... – Она сидела очень прямо, покусывая ручку и вперив в Кэмпииона испытующий взгляд. – В том, что это его скелет, сомнений нет?

– Абсолютно точно он. Тетя Марта, не помните, когда Портленд-Смит исчез, они еще были обручены?

– Были, – уверенно кивнула она. – Рэмиллис уже возник на горизонте, но Джорджия еще была обручена. Можно выяснить, как скоро после исчезновения он умер?

– По состоянию тела – нет, во всяком случае, я очень сомневаюсь. Наверное, скоро, но ни один патологоанатом не возьмется назвать даже месяц. Однако я надеюсь, что полицейские сделают какие-то выводы, когда изучат остатки одежды. Судя по всему, он был в вечернем костюме.

Тетя Марта кивнула. Сейчас она выглядела на свой возраст, и губы ее беззвучно шевелились от жалости.

– А причина смерти? Это тоже сложно определить?

– Нет. Его застрелили.

Она всплеснула руками.

– Очень неприятная история. – И, поцокав языком, язвительно добавила: – Интересно, Ферди Пол ее тоже превратит в рекламу?

Кэмпиион поднялся и взглянул на нее сверху вниз, отчего его высокая худая фигура несколько ссутулилась.

– Мне лучше уйти, – сказал он с сожалением. – Вряд ли уместно на нее сейчас набрасываться.

Леди Папендейк протестующе подняла руку.

– Не уходи. Оставайся. Думай о том, что делаешь, ведь она наша клиентка. Но мне нужно мнение со стороны. Мы вкладываемся в «Цезарев двор». Мне хочется услышать твой совет. Будут Пол, Рэмиллис и Ламинов.

– «Цезарев двор»? – переспросил Кэмпиион. – Вы тоже? По-моему, к этому все успели приложить руку. Вы неплохо устроились. Там можно будет хорошенько пожить.

– Скорее всего, – согласилась она и благодушно улыбнулась. – В Лондоне сложно найти такую роскошь, а теперь мы можем ее себе позволить. Раньше не было возможности съездить туда из-за проблем с транспортом, а когда сообщение наладилось, у нас появились проблемы с деньгами. Теперь все наконец сошлось. Ты там уже был. На машине доезжаешь практически мгновенно.

– Нет, – усмехнулся Кэмпиион. – Меня не интересует пикник в Неаполе, пенная ванна, возможность попрактиковаться в гольфе, съесть лотос или пообщаться со сливками общества. И, честно говоря, меня тошнит от одной мысли, что можно просадить шесть-семь сотен за выходные. Но я понимаю, что многим это нравится, и, конечно, размах предприятия не может не восхищать. Обычно такие штуки срабатывают, потому что организаторы полагаются на пару приманок, которые своим блеском затмят все недоделки. А здесь продумано буквально все. Шеф-повар – из Вирджинии, оркестр – Тедда Куайта, гольфом занимается Энди Баллард, плаванием – Крэннис, теннисом – Во. К тому же отличная идея устроить там кабинет этого, как его, косметолога...

– Мирабо, – подсказала она. – Он настоящий художник. Дитте, его парикмахерша, сделала мне прическу. Да, задумка просто отличная, и исполнение тоже на самом высоком уровне. Это все Ламинов. Он был метрдотелем в «Золотой груше». Бьёрнсон взял его, когда отель рухнул. Он просто чудо, да и его супруга очень неглупа. А Ламинов настоял, чтобы летное поле сделали частным. Алан Делл все устроил.

– Делл тоже этим занимается?

– Конечно. Все клубные самолеты принадлежат компании «Аландел», и летают только его пилоты. Он работает где-то в миле от отеля, на другом берегу. И он очень заинтересован в этом предприятии. Там они с Вэл и познакомились.

– Вот как... – Мистер Кэмпиион моргнул. – Уровень организации, конечно, просто потрясает. А кому первому пришла в голову эта гениальная идея? Кого осенило посреди ночи?

– Это... – Тетя Марта замялась. – Ферди Пол. Не говори, что знаешь. Пусть будет секретом. – Она сжала губы и опустила взгляд. – Ты вообще знаком с Полом?

– Нет. Я думал, он работает в театре. Он же продюсер?

– Ферди очень толковый, – сказала леди Папендейк. – Он создал Джорджию Уэллс, и он сдает землю театрам «Соверен» и «Авантюра». Кроме того, ему принадлежит клуб «Вишневый сад» и половина ресторана «Тюльпан».

Кэмпиион рассмеялся:

– И это все, что вы о нем знаете?

– Не так уж и много, верно? – Она скорчила гримаску. – В конце концов, мы же не из денег сделаны. А, вот и они. – Тетя Марта кивком отослала пажа, который только что вошел в комнату и не успел даже рта раскрыть. – Пойдем вниз посмотрим, что могут сотворить с женщиной великолепные платья, – непринужденно произнесла она. – Одно из них прекрасно настолько, что я разрыдалась, когда увидела, а Рекс, бедняжка, чуть не упал в обморок.

Не в силах придумать достойный ответ, мистер Кэмпиион промолчал и покорно двинулся вслед за ней вниз по главной лестнице.

Глава 3

Мистер Кэмпиион не любил устраивать шоу из своего появления. В ранней юности он в совершенстве овладел нелегким искусством незаметно возникать в комнате и покидать ее, не прибегая при этом к защитной надменности и позорным попыткам слиться со стеной, поэтому в гостиную дома Папендейков он вошел, держась так, словно шел в свите великого воина, что в действительности было правдой.

Леди Папендейк на работе сильно отличалась от тети Марты в кабинете Вэл. Она, казалось, вырастала на добрых пару дюймов и двигалась подобно военному кораблю, что сильно не походило на ее обычную походку, напоминавшую гусиный шаг. Мистеру Кэмпииону, идущему следом, чудилось, будто их сопровождает бравурный марш. Ощущение было странное.

Гостиную оформили в золотистых оттенках. Вэл придерживалась убеждения, что настоящая изысканность – это к месту использованная вульгарность, и неукоснительно следовала этому принципу.

Стиль комнаты отличался великолепиям. В длинном с высоким потолком помещении было семь больших окон, которые выходили на каменную террасу, украшенную бронзовыми скульптурами. Это могло бы создавать ощущение театральности, но благодаря ровному бледно-золотистому оттенку стен, пола и мебели гостиная выглядела своеобразно, но не претенциозно.

Практическим достоинством выбранной цветовой гаммы – в действительности именно это заставило двух дам принять окончательное решение, о чем они обе успели искренне позабыть, – было то, что теплый металлический оттенок являлся необычайно выигрышным фоном для нарядов из тонкого шелка или дорогой шерсти. Кроме того, как однажды беспечно заметила тетя Марта: «Золото всегда успокаивает, особенно если нет необходимости обращать на него внимание».

Итак, мистер Кэмпиион прошагал по золотистому ковру и подошел к оживленной группе людей, чьи силуэты необыкновенно отчетливо выделялись на фоне бледно-золотой стены. Сначала он увидел чье-то смуглое лицо, потом бледное, затем – откуда-то взявшегося мальчика, а после наткнулся взглядом на Джорджию Уэллс – и больше уже не видел никого.

Она была выше, чем ему казалось из зрительного зала, и как-то грубее, но все так же обаятельна. Внешность женщины состояла из ярких красок, словно сама природа задумала ее плакатом, а не карандашным наброском.

Большие серые глаза, обрамленные густыми длинными ресницами, на фоне бледной кожи казались более темными, а коричневые крапинки в серых радужках – крупнее и ярче, чем у других людей. У нее было живое и умное лицо и такой искренний взгляд, что казалось, будто вы с ней уже давно знакомы.

Джорджия Уэллс чмокнула леди Папендейк в обе щеки, но машинально, и Кэмпиион почувствовал, что на самом деле все ее внимание обращено на него.

– Мистер Кэмпиион? – повторила она. – В самом деле? Альберт Кэмпиион?

Голос у нее тоже был более мягким и глубоким, чем у окружающих. В ее словах прозвучал неподдельный интерес, и Кэмпиион сразу же понял – она знает, кто он, уже читала газеты и теперь лихорадочно размышляет, является ли их встреча счастливой случайностью. И является ли она вообще счастливой или случайной.

– Ферди, это мистер Кэмпиион. Тот самый. Мистер Кэмпиион, это Ферди Пол.

Смуглое лицо обрело имя. Ферди Пол был моложе, чем думал Кэмпиион. Этот тучный мужчина внешне напоминал Байрона: те же темные кудри и неуместные завитки на лбу и висках, тот же гордый изгиб губ, украсивший бы любую девушку и изрядно портивший мистера Пола, и та же коренастая, по-бульдозья нелепая фигура.

Однако, заговорив, он не обнаружил само собой подразумевающейся вялой лености. В Ферди Поле бурлила жизнь, в его высоком, практически визгливом голосе звенела нервная энергия – правда, без раздражительности.

В нем было что-то еще, чего Кэмпioniу никак не удавалось понять, – то ли легкая неуверенность, словно подозрительный стук в двигателе, то ли своеобразная принужденность, больше сочетавшаяся с голосом, чем с внешностью или характером.

Он внимательно осмотрел Кэмпioniа и, решив, что тот не представляет для него никакого интереса, тут же выбросил его из головы, сохраняя при этом полное дружелюбие.

– Ну что, начнем? – обратился он к леди Папендейк. – Все должно быть просто идеально.

– Все и есть идеально, – холодно отозвалась тетя Марта, вложив в интонацию массу неприязни.

Пол ухмыльнулся, и его черты преобразились: рот вдруг стал выглядеть более мужественно, а золотая коронка почему-то придала облику мягкость и человечность.

– Вы просто прелесть, – сказал он и почти не покривил душой.

Леди Папендейк сверкнула в его сторону узкими глазками, которые сейчас, казалось, состояли из одних зрачков. Она не улыбнулась, но краешки тонких губ все же дрогнули, и Кэмпioni заподозрил, что в действительности эти двое являются мозговым центром всего предприятия. Оба не были художниками, но повелевали художниками, словно два Просперо, отдающих приказания своим Ариэлям², и оба питали друг к другу симпатию.

Вновь прибывшие рассаживались на банкетках между окнами. Рекс мелькал и тут и там. Он явно успокоился, но держался по-прежнему с некоторым трагизмом, периодически сменявшимся застенчивой веселостью, неизменно, впрочем, приправленной нужной дозой заискивающей любезности.

Одна из женщин привлекла особое внимание Кэмпioniа – дама небольшого роста в элегантном наряде, который, надо сказать, совсем ей не шел. Непонятно было, кто она и почему к ней относятся с таким уважением. Было очевидно, что Рекс совершенно не способен увидеть что-либо хорошее там, где его не ждут какие-либо выгоды, но эта женщина не казалась богатой, как и не походила на чью-нибудь супругу. Однако Кэмпioniу не удалось как следует разглядеть ни ее, ни других присутствующих, потому что к нему вернулась Джорджия.

– Вы мне ужасно нужны, – заявила она с несколько обескураживающей откровенностью. – У меня такое впечатление, что вы можете мне пригодиться.

Последнее прозвучало настолько наивно, что на мгновение он усомнился, уж не послышалось ли ему, но ее серые, под цвет твидового костюма глаза глядели на него в упор, а красивое широкоскулое лицо было серьезным и доброжелательным.

– Сегодня днем я узнала чудовищную новость, – хрипло продолжила она. – Нашли скелет человека, которого я когда-то любила. Мне надо об этом с кем-нибудь поговорить. Простите меня, ради бога. Это такое потрясение. – Она слабо и виновато улыбнулась, и Кэмпioni с удивлением решил, что она говорит совершенно искренне.

В это мгновение он вообще многое понял о Джорджии Уэллс и заинтересовался ею. Ему был хорошо знаком тип обычной истерички, которая накручивает себя, пока окончательно не утратит всякое чувство адекватности и не станет угрозой для ничего не подозревающих людей, но здесь было нечто новое. В эту секунду Джорджия Уэллс реально горевала и, более того, явно искала в нем не зрителя, но союзника, что тоже подкупало.

– Нельзя, конечно, вываливать свои беды на посторонних, – проговорила она. – Только когда скажешь, понимаешь, как это ужасно звучит. Отвратительно. Не сердитесь на меня. – Она сделала паузу и, посмотрев ему в глаза, с ребяческой откровенностью произнесла: – Это какой-то кошмар.

² Речь идет о героях пьесы Шекспира «Буря».

– Ну разумеется, – неожиданно для самого себя согласился Кэмпиион. – Ужасная история. Вы не знали, что он умер?

– Нет. Даже не подозревала. – Ее слова звучали искренне и убедительно, но все же менее убедительно, чем предыдущие реплики, и он смерил ее испытующим взглядом. Она опустила веки и снова их подняла. – Я непростительно себя веду. Просто я так много о вас слышала, что чувствую, будто мы давно знакомы. Эта история выбила меня из колеи. Пойдемте, я познакомлю вас со своим мужем.

Кэмпиион покорно последовал за ней, и, пока они шли, ему пришло в голову, что она обладает редким даром – настолько редким, что ему пришлось напомнить себе, что это всего лишь умение, – обращаться напрямую к человеческой душе собеседника, прячущейся за его цивилизованным фасадом. Поэтому невозможно было покинуть или подвести ее, не испытывая при этом чувства вины.

– А вот и он, – сказала Джорджия. – Мистер Кэмпиион, это мой муж.

Первое, что пришло Кэмпииону в голову при знакомстве с сэром Рэймондом Рэмиллисом, была мысль, что перед ним завзятый пьяница. Это впечатление, не подкрепленное никакими наблюдениями, зародилось само по себе. Внешность Рэмиллиса не позволяла заподозрить, что он вообще знаком с какими-либо алкогольными напитками, но, когда Кэмпиион увидел перед собой самодовольное бровастое лицо с чересчур близко посаженными светлыми глазами, производящее впечатление, что его обладатель склонен всеми командовать, не заботясь при этом об ответственности, то непроизвольно подумал: «Хотя бы трезвый пришел, уже неплохо».

Они пожали друг другу руки, и муж Джорджии самым беспардонным образом уставился на него. Рэмиллис молчал и вообще не старался хоть как-либо выразить свою враждебность, но взгляд у него был высокомерен и насмешлив одновременно.

Мистер Кэмпиион держался с опаской, и ему в голову приходили всевозможные истории про этого молоджавого мужчину со звучным именем. Рэмиллис ушел в отставку, предварительно отслужив в знаменитом полку, действовавшем в Ирландии. В то время с его именем связывали самые фантастические и ужасные слухи. Потом он провел некоторое время за охотой в разных графствах, а чуть позже получил пост губернатора Уланги – беспокойного местечка на западном побережье, узкой полоски земли, отделяющей друг от друга две колонии. Климат там был таким суровым, что Рэмиллис по три месяца в году проводил дома, но намекали, что он и в отпуске не скучает. Кэмпииону вспомнился некий бесцветный юноша, который как-то провел месяц в Уланги и по возвращении упорно отказывался рассказывать о своих тамошних приключениях. Кэмпииону запала в голову одна его фраза: «Рэмиллис, конечно, невероятный тип. Такое впечатление, что его либо вот-вот повесят, либо дадут крест Виктории. Удивительный парень. От него аж мурашки по коже».

В настоящий момент Рэмиллис вел себя тихо: с момента прибытия он не произнес ни слова. Стоя на одном месте, расставив ноги и заложив руки за спину, он слегка покачивался, а на его живом лице было написано явно обманчивое простодушие. Кэмпииона одолело неприятное подозрение, что этот человек раздумывает, чем бы себя развлечь.

– Я вывалила на мистера Кэмпииона всю эту историю с Ричардом. – В голосе Джорджии не было ни малейшей искусственности – напротив, он звучал удивительно прямодушно. – Я даже сама не понимаю, почему это настолько меня потрясло. Ты же знаешь мистера Кэмпииона, Рэймонд?

– Разумеется, – ответил тот, не сводя с жены глаз.

Его резкий и высокий, но отнюдь не женоподобный голос звучал так, будто его забавляло происходящее. Переведя взгляд на Кэмпииона, он обратился к нему, но при этом держался таким образом, словно их разделяла приличная дистанция:

– Скажите, вам нравится то, чем вы занимаетесь? Наверняка, иначе вы бросили бы это дело. Есть что-то увлекательное в том, чтобы охотиться за людьми, не правда ли?

Самое интересное, что это не прозвучало грубо. Его голос, манеры и выбор слов были достаточно оскорбительными, чтобы спровоцировать неприятности, но при этом вопрос производил даже несколько наивное впечатление. В нем не было агрессии, скорее задумчивое сожаление.

– Необычайно увлекательное, – торжественно признался Кэмпиион. – Меня иногда даже пугает, насколько я увлекаюсь.

– Неужели? – По лицу Рэмиллиса проскользнула тень заинтересованности.

Джорджия энергично продела свою руку под локоть Кэмпииона, явно рассчитывая привлечь его внимание. Ей это удалось.

– Зачем вы сюда пришли? – спросила она.

Он почувствовал, как ее тело прильнуло к нему и напряглось.

– Чтобы познакомиться с вами, – честно ответил он. – Хотел поговорить.

– О Ричарде? Я вам все расскажу. Мне самой хочется о нем поговорить.

Хотя Кэмпиион не сомневался в ее искренности, женщина держалась чуть-чуть с вызовом, словно чувствовала опасность, хотя и не понимала, в чем она состоит. В этот момент он начал осознавать, что за человек рядом с ним, и это осознание изрядно его напугало.

– Ты сказал, что он умер, Рэймонд.

Голос ее звучал дерзко, и Кэмпиион ощутил, как она дрожит, словно в ней кончается заряд энергии.

– Потому что я знал, что он умер.

Рэймонд говорил с подчеркнутым безразличием, и Кэмпиион в упор на него уставился.

– Почему вы так решили?

– Иначе бы он объявился, когда я вернулся в Африку, а Джорджия осталась одна.

Заявление было сделано вроде бы вскользь, но прозвучало абсолютно уверенно, и Кэмпиион догадался, что собеседника не только не волнует, как его поймут, – он просто не предполагает, что его могут понять превратно.

Джорджия поежилась, и Кэмпиион пришел в замешательство, потому что, как ему показалось, ее реакция не была вызвана страхом или отвращением, – он даже был уверен, что слова мужа польстили ей.

– Если вы в состоянии говорить о нем, – обратился он к ней, – мне бы хотелось узнать, каким он казался вам при последней встрече... – И добавил: – Если вы в силах об этом вспоминать, конечно.

– Дорогой мой, мне просто необходимо поговорить об этом! – Воскликание, казалось, исходило из самого сердца, но в следующее мгновение она отпустила руку Кэмпииона и произнесла уже совершенно другим голосом: – А кто это там, рядом с Вэл?

Кэмпиион взглянул в ту сторону, и его охватили дурные предчувствия.

– Рядом с Вэл? – виновато переспросил он. – Это Алан Делл, он занимается самолетами.

– Представьте нас, – потребовала Джорджия. – По-моему, он хочет со мной познакомиться.

Вэл направилась в их сторону, и Кэмпиион, глядя, как решительно вышагивает сестра, подумал, что сейчас она напоминает богиню возмездия, вступающую в битву под гордо реющими знаменами. Вэл высоко держала голову, и каждая линия ее тела дышала аккуратной и грациозной женственностью. Он вздохнул – ему хотелось как-то поддержать ее.

Следом за ней шел Алан Делл. Теперь, когда они были знакомы, Кэмпиион видел и застенчивость, и своеобразную мужественность этого человека – тот больше не казался высокомерным.

– Милая, – сказала Джорджия, – утешь подругу своими платьями. У меня трагедия. – Она необычайно грациозно потянулась своим красивым сильным телом навстречу Вэл, всем видом выражая дружелюбие.

– Что бы это ни было, у меня как раз есть подходящее платье, – бодро, но с осторожностьюотреагировала Вэл. – Лучшее платье всех времен и народов.

Джорджия отстранилась. Она улыбалась, но выглядела при этом задетой.

– Боюсь, это настоящая трагедия. – В ее голосе прозвучал укор.

– Боже мой, мне ужасно жаль. Что случилось? – Вынужденная извиниться, Вэл стала держаться еще осторожнее.

Перед тем как заговорить, Джорджия обернулась. Рэмиллис по-прежнему стоял, покачиваясь, и задумчиво разглядывал мальчика в углу комнаты.

Джорджия тряхнула головой.

– Расскажи мне про платье, – потребовала она и, прежде чем Вэл или Кэмпиион успели произнести хотя бы слово, спросила: – А кто это с тобой? – Вопрос прозвучал так, словно Делла не представили ей намеренно.

Он с неожиданной неуклюжестью пожал ей руку и не мигая уставился на нее, уверенный, как это часто бывает с застенчивыми людьми, что виден ей далеко не так ясно, как она ему.

Джорджия рассматривала его с тем радостным заинтересованным вниманием, которое было ее главным оружием.

– Меньше всего на свете ожидала встретить вас здесь, – заявила она. – Дорогой мой, вам тут нравится? Вы когда-нибудь принимали участие в подобном мероприятии?

– Нет, – ответил он и рассмеялся. – Я остался, чтобы встретиться с вами.

Джорджия покраснела. Краска поднялась от шеи и залила лицо, и это выглядело так трогательно, что ни одна семнадцатилетняя девица не выдержала бы конкуренции.

– Так мило с вашей стороны, – улынулась она. – Правда, я буду безумно скучной. Случилось кое-что ужасное, и я теперь чудовищно веду себя и изливаю душу всем подряд.

Это было рискованное вступление, которое могло привести к катастрофе, но ее прямога выглядела слишком обаятельной. Все поняли, что Делл внезапно почувствовал себя более уверенно, хотя он растерянно пробормотал что-то насчет того, что ему уже доводилось видеть ее в тяжелом положении.

– «Небольшая жертва»? – догадалась Джорджия. – Я обожаю Гиацинту, героиню пьесы! Я вложила в нее все, что когда-либо чувствовала. Как мило с вашей стороны было прийти на этот спектакль!

С этого момента ее поведение неуловимо изменилось. Метаморфоза произошла постепенно и была совершена с таким изяществом, что Кэмпиион с трудом уловил изменение. Теперь Джорджия напоминала ему героиню «Небольшой жертвы». Гиацинта появлялась в ее голосе, в беспомощных жестах, в манере выражаться, и Кэмпиион недобро подумал, что, если бы героиня пьесы говорила с акцентом, Джорджии сейчас было бы куда легче, да и смотреть на нее было бы интереснее.

В свою очередь Делл явно был очарован. Он наблюдал за Джорджией с восхищением, не отрывая от нее радостных голубых глаз.

– Все это было ужасно давно и, конечно, ужасно глупо... – Голос Джорджии звучал одновременно храбро и беспомощно. – Он был очень славным и обидчивым, милый мой Ричард. Я прекрасно его знала. Мы оба были одиноки и... невероятно привязались друг к другу. Когда он исчез, мое сердце разбилось, но я никому не могла в этом признаться. Понимаете? – Она слегка подалась в их сторону, как бы взывая к пониманию. – Это ведь не принято, правда? – спросила она с внезапной откровенностью, которая смущает и обезоруживает хуже наготы. – Когда влюбляешься, начинаешь всего бояться и совсем, совсем не веришь в себя. Я говорю о настоящем, большом чувстве, разумеется. А потом опасаясь, что твой восхитительный, чудесный, удивительный замок окажется хрупким, недолговечным. Ты все время боишься, что тебе сделают слишком больно, постоянно ожидаешь самого худшего, и, когда что-то на самом деле случается, просто уползаешь в свою норку зализывать раны. Вы же понимаете, о чем я?

Они были взрослыми людьми с соответствующим опытом и, разумеется, понимали. Хотя Кэмпiona и шокировала эта речь, он все же с неохотой признал, что был впечатлен. Благодаря ее цветущему виду и «откровенной», как выразился Делл, манере речи, неприличная исповедь прозвучала мило и обаятельно. Он взглянул на Вэл. Та посмотрела мимо него и беззвучно пошевелила губами. Ему показалось, что она произнесла слово «стриптиз» – и он почувствовал к сестре уважение.

Джорджия не дала возникнуть паузе.

– Простите меня, – беспомощно пролепетала она. – Это ужасно неприлично с моей стороны, но вы только представьте! Вдруг я вижу это на анонсах, Ферди бежит за газетой, и я понимаю, что это правда! Нашли его скелет. – В ее серых глазах плескалась искренняя скорбь, и собравшиеся не могли оторвать от нее глаз. – Понимаете, как-то обычно не задумываешься, что у людей вокруг есть скелеты.

– Милая, какой кошмар! – воскликнула Вэл. – Когда это произошло?

– Только что, – с самым несчастным видом ответила Джорджия. – По пути сюда. Мне бы лучше поехать домой, но я же не могла подвести тебя и всех остальных, мы ведь так спешим. Да я и не думала, что на меня нападет такая болтливость.

– Дорогая, о чем ты? – Ферди Пол обнял ее и привлек к себе. На его смуглом лице было такое выражение, словно все происходящее его лишь развлекало, но голос звучал ласково и терпеливо: – Забудь об этой истории. Ты сама себя накручиваешь.

Джорджия передернула плечами и, улыбнувшись, с достоинством отстранилась. Это, как почувствовал Кэмпон, было сделано специально для него и Делла. Затем она взглянула на мужа, который двинулся к ним беспечно-пружинистой походкой, вполне органично вписывающейся в его опасно-легкомысленный образ.

– Правильно, Джорджия, – проговорил он безучастным голосом. – Забудь этого типа, если можешь, а если нет – не выставляй себя дурачком.

Видимо, даже он почувствовал, что это увещание могло показаться непосвященным чересчур резким, и неожиданно улыбнулся солнечной, радостной улыбкой, чаще встречающейся у маленьких детей.

– Я хотел сказать, что, если красивая девушка убивается над телом, это чертовски трогательно, но, если она проливает слезы над скелетом, это уже глупо. Все, поезд давно ушел. Возлюбленный не просто мертв, его вообще нет. Слушайте, а можно я попрошу что-нибудь выпить?

Последний вопрос был адресован Вэл и сопровождался ласковым взглядом.

– Конечно. Нам всем надо выпить. – Вэл выглядела совершенно ошарашенной.

Она посмотрела на топчущегося рядом Рекса, и тот, кивнув, исчез. Ферди Пол вновь обнял Джорджию. Он держался с ней нежно и снисходительно, словно со своенравной, но любимой пожилой тетушкой.

– Сначала мы посмотрим платье для третьего акта, – сказал он. – Мне необходимо быть уверенным, что когда Пендлтон схватит тебя, то оторвет только левый рукав. Все должно быть сдержанно и благородно. Не хочу, чтобы ты бегала по сцене в *brassière*³. Опасность этой сцены в том, что здесь легко скатиться в *vieux jeu*⁴, если немного перегнуть палку. Вернуться к двадцать шестому году. Леди Папендейк хочет, чтобы сначала мы посмотрели платье на модели, потому что оно, судя по всему, вышло просто потрясающим. А потом ты его наденешь, и мы чуть-чуть порепетируем.

Джорджия застыла.

³ Бюстгалтер (фр.).

⁴ Старомодность (фр.).

– Я не собираюсь репетировать перед толпой незнакомцев, – запротестовала она. – Видит бог, я не капризна, но всему есть предел. Ферди, ты меня не заставишь. Только не сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.